

П. Р. ЗАБОРОВ

**«ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВСТВЕННОЦА» ВОЛЬТЕРА
В РУССКИХ РУКОПИСНЫХ ПЕРЕВОДАХ**

В 1958 г. в программной статье, открывавшей первый послевоенный сборник «XVIII век», П. Н. Берков писал: «...необходимо признать, что плодотворное изучение литературы XVIII века требует всемерного расширения круга исследуемых материалов. Оставаться на том уровне фактических знаний, который был достигнут нами в предшествующем десятилетии, наша ветвь советского литературоведения не должна. Может быть, нас ждут какие-нибудь значительные находки; но дело не в них, главное заключается в широком привлечении как можно большего количества неиспользованных рукописных и печатных источников, действительно раздвигающих границы наших знаний в области литературы XVIII века».¹

В истекшее с тех пор время усилиями самого П. Н. Беркова, его учеников и последователей многое было в этом отношении сделано. Однако и по сей день это указание продолжает сохранять свое значение и актуальность. Огромное число неиспользованных источников все еще остается вне поля зрения исследователей литературы XVIII в. В особенности относится это к источникам рукописным, среди которых немало оригинальных произведений русских писателей, а также множество переводов с различных иностранных языков, как известно, игравших в литературном движении XVIII столетия весьма существенную роль.

Едва ли не центральное место в этом обширном рукописном фонде занимает наследие крупнейшего французского писателя XVIII в. и одного из вождей европейского Просвещения — Вольтера, переводившегося на русский язык в необычайно широких масштабах.² Между тем наши представления о русском «рукописном Вольтере» и по сей день все еще остаются неполными, фрагментарными. В частности, никогда не подвергались изучению

¹ Берков П. Н. Итоги, проблемы и перспективы изучения русской литературы XVIII века. — В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.—Л., 1958, с. 23.

² Об этом см.: Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, с. 110—207.

рукописные переводы его знаменитой антиклерикальной поэмы «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans»).

В отличие от преобладающего большинства вольтеровских сочинений, изданных у нас — хотя подчас и с немалым опозданием и с множеством искажений, «Орлеанская девственница» ни в XVIII, ни в XIX в. в русскую печать не пробилась, так и не преодолев цензурных преград. С ней знакомились или в оригинале, или в рукописных переводах, имевших хождение в самых разных читательских кругах, но преимущественно среди людей небогатых и незнатных, лишенных средств для приобретения иностранных книг или с трудом читавших на французском языке.³

«Орлеанская девственница» создавалась на протяжении нескольких десятилетий — с конца 1720-х до начала 1770-х годов. Долгое время поэма распространялась в бесчисленных списках; в 1755 г. она — без ведома Вольтера — впервые увидела свет, но до 1762 г. он в своем авторстве открыто не признавался; наконец, в 1771 г. в Лондоне появилось ее полное издание, положенное в основу почти всех последующих.⁴ К этому окончательному тексту восходит и прозаический русский перевод вольтеровской поэмы, сделанный в последней четверти XVIII в.

Анонимный автор этого перевода превосходно владел французским языком и был весьма образованным человеком. Он успешно справился с большинством встретившихся на его пути трудностей, в целом переложив поэму с редкой для того времени точностью и полнотой. Это не означало, разумеется, что перевод был вообще свободен от ошибок. Незнание некоторых реалий подчас вынуждало его переводить более чем приблизительно, а иногда и вовсе опускать те или иные фразы и слова. Так, «un fort joli château» превратился у него в «преизрядный увеселительный дом», «bachelier» — в «монаха», «d'un ton de vrai misereere» — в «самым странным образом и голосом», «l'aimable Régence» — в «приятное правление», «les charniers qu'on dit des Innocents» — в «кладбище, называемое святого Иннокентия» (вместо «кладбища невинно убиенных»), «la chapelle ardente» (катафалк) — в «церковь», «le doux célibat» — в «тихое блаженство», «corsaire» же, «rade», равно как и преобладающее число латинских цитат, остались вообще без перевода.⁵

Впрочем, кое-что могло не попасть в русский текст и по другой причине: например выражение «le corps en rut». Однако изъять или хоть отчасти смягчить все чересчур вольные места в задачу переводчика не входило. Опустив «неприличное» рас-

³ См.: Розов Н. Н. Зачем, кому и какая рукописная книга нужна была в России XVI—XIX столетий. — Вопросы истории, 1970, № 6, с. 210—217.

⁴ Об этом см., например: Adamski J. Problem tekstu wolterowskiej «Darczanki». — Kwartalnik neofilologiczny, 1959, zc. 4, s. 289—303.

⁵ ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 57, л. 6 об., 16, 46, 72 об., 121, 150, 157, 164, 82, 88, 146. — С подобным «преобразованием» французского текста не следует смешивать традиционное для XVIII в. «склонение на русские нравы», встречающееся в этом переводе довольно часто.

суждение о поцелуе (песнь XII) и заменив «девическую грудь» (*gorge naissante*) «белизной прекрасного тела» (песнь V), он оставил нетронутыми сцену захвата англичанами женского монастыря и историю покушения на честь Жанны, совершенного ослом, в которого вселился дьявол.⁶

Что же касается литературного таланта, то переводчик «Орлеанской девственницы» был наделен им несравненно слабее. Лишь в очень немногих случаях воссоздал он стилистическое своеобразие вольтеровской поэмы. Среди наибольших удач такого рода — перевод особенно густо окрашенных в «библейские» тона (и потому звучащих особенно иронически) фрагментов, таких как воззвание св. Дениса к Жанне после ее чудесного избавления от домогательств Грибурдона или обращение матери Безонь, иными словами, юного студента, к случайно забредшей в монастырь Агнесе Сорель: «Воиди<...>, любезная странница, какой святитель, какое радостное празднество могло завести к олтарям нашим красоту сию толико вредную смертным? Не ангел ли ты или не святая ли, оставя вышних небес пределы, ниспосланные дабы утешить дочерей вышнего?»⁷

К тому же периоду относится целый ряд попыток перевести «Орлеанскую девственницу» стихами. Наброски к такому переводу остались в бумагах И. И. Хемницера;⁸ известно начало первой песни в переводе Ю. А. Нелединского-Мелецкого;⁹ сохранились и два анонимных перевода — трех первых песен¹⁰ и 80 начальных строк.¹¹ Но самой успешной и примечательной была попытка Д. В. Ефимьева, «полковника Ефимьева», как его часто называли.

Армейский офицер-артиллерист, Дмитрий Владимирович Ефимьев (1768—1804) занимался литературой в свободные часы, ради собственного удовольствия.¹² Тем не менее он получил довольно большую известность как драматург. Последние годы жизни Ефимьев посвятил переводу «Орлеанской девственницы», но выполнить свой замысел не успел, и слава замечательного переводчика Вольтера пришла к нему посмертно.

В противоположность своему предшественнику Ефимьев обращался с французским текстом весьма свободно, пренебрегая вто-

⁶ Отметим попутно систематическое вынесение в подстрочные примечания ремарок, помещенных у Вольтера в тексте в скобках (л. 18, 38, 63 об., 97, 97 об. и др.).

⁷ ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 57, л. 96 об.

⁸ ИРЛИ, 15934/ХСVIII б. 13, л. 2. — Опубликовано в статье: Вацуро В. Э. К вопросу о философских взглядах Хемницера. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, с. 137—138.

⁹ ГПБ, ф. 603, № 7, л. 125; там же (л. 93—94) см. сведения о не дошедших до нас переводах Ф. И. Карцева и Ф. Г. Карина.

¹⁰ ИРЛИ, 4930/XXVI б. 26, л. 1—24.

¹¹ ИРЛИ, 16033/ХСIX б. 17.

¹² Несколько писем Ефимьева к А. В. Казадаеву сохранилось в Отделе рукописей ГПБ (ф. 325, № 34, 5 л.).

ростепенными подробностями, непонятными русскому читателю реминисценциями и не представлявшими для него интереса именами. В частности, он сократил описание концерта итальянской музыки, на фоне которого происходило свидание Карла VII с Агнесой Сорель, опустил намек на Самюэля Бернара, исключил упоминания «Mercure de France» и «Journal de Trévoux, юриста Жака Кюжаса, проповедника и оратора Жан-Батиста Масийона, иезуита Жирана, священника Юрбена Грандье, сожженного на костре в 1629 г., и т. д.

Целью Ефимьева было сохранить вольтеровскую манеру повествования, передать столь характерную для поэмы непринужденность тона. И это ему удалось если не в полной, то в значительной мере, в первую очередь с помощью широкого использования просторечья и разговорных интонаций, сильно ожививших его александрийский стих (Вольтер применил более подвижный и гибкий десятистолбик). Вот, например, как звучал в его переводе диалог короля, опечаленного потерей возлюбленной, и его приближенного-сводника Бонно (песнь X):

Ваше Величество!.. Как я проговорю:
Беда... Несчастье, какого не бывало,
Возьми письмо назад, о, князь мой! все пропало,
Мужайся, кротостью достойной государь.
— Да видел ли мою, скажи ты мне, сударку? —
Со страхом Карл спросил. — Ах, нет, великий царь!
Британцы взяли в плен Агнесу и Жан д'Арку.¹³

Перевод Ефимьева был прерван на середине одиннадцатой песни и, следовательно, не мог заменить старый, прозаический. Отсюда их длительное сосуществование, прекратившееся, по-видимому, лишь на рубеже 1830—1840-х годов, когда прозаический перевод совершенно устарел.¹⁴ Но и перевод поэтический вскоре начал терять свою привлекательность, причем интерес к нему не возродился даже после того, как его продолжил и завершил Ипполит Стремоухов.¹⁵ Из живого литературного явления труд «полковника Ефимьева» постепенно превращался в «памятник» — образец отечественного вольномыслия «давно минувших дней».

Впервые на русском языке «Орлеанская девственница» увидела свет уже в советское время, в 1924 г.

¹³ ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, № 40, л. 134.

¹⁴ В этой связи см. любопытную запись от 12 января 1835 г. некоего Ивана Еремеева. Окончив переписку «старого» перевода и добавив к нему одну песнь из перевода «нового», он заметил: «Очень жаль, что этой знаменитой поэмы переведено полковником Ефимьевым только десять песней такими прекрасными и звучными стихами, а мне удалось списать одну пятую песнь» (ГПБ, ф. 341, № 419, л. 143).

¹⁵ Один из списков перевода Стремоухова (сделанного в начале 1850-х годов) см.: ЦГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 132. Сведения об этом переводе см. там же, л. 111—113.